

ВАМПИРСКИЕ ХРОНИКИ

ЭНН РАЙС

ИСТОРИЯ
ПОХИТИТЕЛЯ
ТЕЛ

Москва
2018

УДК 821.111-312.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
P18

Anne Rice
THE TALE OF THE BODY THIEF

Copyright © 1992 by Anne O'Brien Rice and
the Stanley Travis Rice, Jr. Testamentary Trust

Райс, Энн.
P18 История похитителя тел / Энн Райс ; [пер. с англ.
Е. Ильиной]. — Москва : Эксмо, 2018. — 512 с.

ISBN 978-5-04-093897-1

Как мучительно одиночество! Мир неожиданно предстает совершенно иным, и даже в душу вампира закрадываются сомнения. Именно они заставляют бесстрашного и неотразимого Принца Тьмы – Вампира Лестата пойти на отчаянный риск и принять невероятное на первый взгляд предложение Похитителя Тел.

УДК 821.111-312.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-093897-1

© Е. Ильина, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*Моим родителям,
Говарду и Кэтрин О'Брайен.
Ваша смелость и ваши мечты
останутся со мной навсегда.*

Вновь с вами Вампир Лестат. Я расскажу вам о том, что со мной произошло.

Все началось в Майами в 1990 году. С этого времени начну свое повествование и я. Но прежде необходимо упомянуть о снах, которые приходили ко мне чуть раньше, ибо им отведена немалая роль в моем рассказе. Это сны о маленькой девочке-вампире с умом зрелой женщины и лицом ангела и о моем смертном друге Дэвиде Тальботе.

Снилось мне и смертное детство во Франции — зимние снега, холодный полуразрушенный отцовский замок в Оверни, тот день, когда я отправился охотиться на волков, нападавших на нашу бедную деревню.

Сны могут быть так же реальны, как и жизнь, хотя, возможно, мне лишь впоследствии так казалось.

Когда начались эти сны, я пребывал в мрачном настроении: вампир-скиталец, бродяжничающий по всему свету, иногда покрытый таким слоем пыли, что никто не обращал на меня ни малейшего внимания. И что проку в том, что мои прекрасные светлые волосы оставались по-прежнему густыми, глаза — пронзительно синими, а улыбка — неотразимой, в том, что я великолепно одевался, а хорошо сложенное тело шести футов ростом, невзирая на двухвековой возраст, все еще выглядело двадцатилетним. Как истинное дитя восемнадцатого века — а именно в этом столетии я жил до Рождения во Тьму, — я всегда сохранял трезвость рассудка.

Но восьмидесятые годы двадцатого столетия близились к концу, и я был уже мало похож на того лихого отпрыска ста-

рого вампира, который хранил верность классическому черному плащу и брюссельским кружевам, на джентльмена в белых перчатках и с тростью, танцующего в свете газовой лампы.

Пережив немало страданий и испытав мгновения триумфа, а также благодаря немалому количеству крови древнейших вампиров, я превратился в своеобразного Темного бога. Обретенная сила смущала меня и даже пугала, а иногда мои невероятные возможности почему-то вызывали в душе печаль.

Например, я мог усилием воли подняться высоко в воздух и вместе с ветром совершать дальние путешествия так же легко, как дух. Усилием разума я мог двигать и уничтожать предметы. Достаточно было одного моего желания, чтобы в любой момент вспыхнул огонь. Сверхъестественный голос позволял мне обращаться к бессмертным из других стран и даже с иных континентов. Мне не составляло труда читать мысли вампиров и людей.

Вам кажется, что это совсем даже неплохо? Мне же было противно. Без сомнения, я оплакивал свои прежние ипостаси — смертного юношу, новорожденного призрака, намеренного стать как можно более плохим, коль скоро таково его предназначение.

Поймите, я не прагматик. У меня чуткая и беспощадная совесть. Я мог бы стать хорошим парнем. Может быть, иногда я такой и есть. Но я всегда оставался человеком действия. Скорбь — равно как и страх — пустая трата времени. И как только я завершу свое вступление, в книге начнется именно действие.

Помните, что начинать книгу всегда очень сложно, большинство вступлений отмечено налетом искусственности. То были самые счастливые времена и самые тяжелые — да ну? И когда же? Кстати, и все счастливые семьи не похожи одна на другую — даже Толстой, должно быть, это осознавал. Мне не удастся отделаться чем-нибудь вроде: «В начале...» или «В полдень я упал с телеги с сеном...» — иначе я бы так и написал. Поверьте, если есть хоть малейшая возможность, я всегда выхожу сухим из воды. Как сказал Набоков устами

Гумберта, «можете всегда положиться на убийцу в отношении затейливости прозы». Может быть, «затейливая» в данном случае означает «экспериментальная»? О том, что мой стиль чувствен, цветист и сочен, я, конечно же, знаю — достаточно критиков сообщили мне об этом.

Увы, но я привык все делать по-своему. И обещаю вам, что мы доберемся до начала, если, конечно, в этих словах нет противоречия.

Прежде всего я должен признаться, что до того, как произошли описываемые ниже события, я горевал о других бессмертных, которых знал и любил и которые давным-давно покинули наше последнее общее пристанище конца двадцатого века. Безрассудно думать, что мы собирались создать новую общину. Все они один за другим исчезли во времени и пространстве — такова была неизбежность.

Вампиры не питают особенной любви к себе подобным, хотя и отчаянно нуждаются в бессмертных спутниках.

Именно из такой необходимости я создал своих отпрысков — Луи де Пон-дю-Лака, который в девятнадцатом веке стал моим терпеливым и зачастую любящим товарищем, а с его нечаянной помощью — прекрасную, но обреченную Клодию, вампира-дитя. И теперь, в конце двадцатого века, Луи остается единственным бессмертным, с которым я часто встречаюсь после своих одиноких ночных странствий. Он самый человечный из всех нас, наименее похожий на бога.

Его скромное убежище на заброшенной окраине Нового Орлеана я никогда не оставлял надолго. Вы сами сможете в этом убедиться, когда придет время. Луи также участник этой истории.

Но о других бессмертных здесь говорится очень мало. Практически ничего.

За исключением Клодии, которая снилась мне все чаще и чаще. Позвольте мне объяснить: Клодию уничтожили более ста лет назад, но я постоянно ощущал ее присутствие, как если бы она всегда находилась рядом.

В 1794 году я превратил умирающую сиротку в маленького пухленького вампира, и через шестьдесят лет она восстала

против меня: «Я положу тебя в гроб, отец. Но ты уже никогда не встанешь».

Я тогда действительно спал в гробу. И все происходило в духе того времени: жуткая попытка убийства, приманка в виде отравленных смертных жертв, чтобы замутить мой рассудок, ножи, врезающиеся в мою белую плоть, и окончательное избавление от кажущегося безжизненным тела в зловонном бою за пределами тускло освещенного Нового Орлеана.

Ничего не получилось. Существует очень мало верных способов разделаться с бессмертным: солнце, огонь... Необходимо стремиться к полному уничтожению. И в конце концов, ведь речь здесь идет о Вампире Лестате.

Клодия поплатилась за свое преступление: она была казнена злодеями из общины вампиров, прекрасно устроившихся в самом сердце Парижа, в печально известном Театре вампиров. Превратив в кровопийцу столь юное дитя, я нарушил законы, и уже по одной только этой причине парижские монстры стремились ее уничтожить. К тому же и она в свою очередь нарушила их закон, подняв руку на своего создателя, — ее проступок, если можно так выразиться, послужил логическим обоснованием приговора: Клодию оставили на солнце, безжалостные лучи которого превратили ее в пепел.

На мой взгляд, это чертовски неудобный способ казни, потому что палачи вынуждены спешно вернуться к своим гробам и даже не имеют возможности стать свидетелями того, как солнце исполняет их жестокую волю. Но они поступили именно так с изысканным, нежным существом, которое я создал из грязной, оборванной беспризорницы, найденной в лачуге испанской колонии Нового Света, наполнив ее вампирской кровью, чтобы сделать своим другом, ученицей, возлюбленной, музой и товарищем по охоте. И к тому же еще своей дочерью.

Если вы читали «Интервью с вампиром», то вам известны все подробности. Это история нашей совместной жизни в интерпретации Луи. Он повествует о своей любви к нашему общему ребенку и о мести тем, кто ее уничтожил.

Если же вы прочли и мои автобиографические книги, «Вампир Лестат» и «Царица Проклятых», то вы и обо мне

все знаете. Вы узнали нашу историю, если она чего-то стоит — а любая история стоит не слишком много, — узнали о том, как мы появились тысячи лет назад, как мы размножаемся, аккуратно передавая Темную Кровь тем смертным, которых считаем достойными сопровождать нас на Пути Дьявола.

Но чтобы понять то, о чем пойдет речь в этом повествовании, вам нет необходимости читать предыдущие книги. Здесь вы не встретите и многочисленных персонажей «Царицы Проклятых». Ни на секунду западная цивилизация не окажется на краю пропасти. Никаких разоблачений из далекого прошлого, никаких древнейших, приоткрывающих свои тайны лишь наполовину, говорящих исключительно загадками и обещающих ответы, которых нет и никогда не существовало.

Нет, все это осталось в прошлом.

Это книга о нашем времени. Она, безусловно, является одной из частей «Вампирских хроник», и об этом забывать не следует. Но это первый по-настоящему современный роман, поскольку ужасающая абсурдность существования с самого начала принимается здесь как должное и исследованию подвергаются разум и душа героя — кто он, как вы думаете? — и те открытия и выводы, которые ему предстоит сделать.

Читайте эту повесть, и на ее страницах я поведаю вам обо всем, что вам необходимо знать о нас. Кстати, разного рода событий и приключений здесь будет немало! Я, как уже сказано, человек действия — вампирский Джеймс Бонд, если вам угодно, которого все без исключения остальные бессмертные называют не иначе как «принц-паршивец», «истинно дьявольское создание» и «ты, чудовище».

Другие бессмертные, конечно, живы до сих пор — Маарет и Мекаре, древнейшие из нашего рода, Хайман из Первого Поколения, Эрик, Сантино, Пандора и другие, которых мы называем Детьми Тысячелетий. Где-то бродит Арман, очаровательный пятисотлетний юноша, который когда-то возглавлял Театр вампиров, а до этого — сообщество вампиров-дьяволопоклонников, поселившихся в недрах кладбища Невинных мучеников. Надеюсь, Арман всегда будет неподалеку.

И Габриэль, моя смертная мать и бессмертное дитя, не пройдет и тысячи лет, непременно появится как-нибудь темной ночью — если повезет.

Что касается Мариуса, моего старого учителя и наставника, хранителя истории и тайн нашего племени, он до сих пор здесь и никогда не исчезнет. Время от времени он приходил ко мне то с просьбами, то с укорами, но суть и тех, и других всегда оставалась одной и той же: неужели я никогда не прекращу свои неосторожные убийства, которые неизменно попадают на страницы газет? Неужели я не перестану с упорством дьявола осаждать своего смертного друга Дэвида Тальбота, искушая его Темным Даром? Разве я не знаю, что бессмертных в мире уже вполне достаточно?

Законы, законы, законы... В результате все сводится к законам. А я люблю преступать любые законы, так же как смертные любят разбить бокал о каминную доску, произнеся тост.

А теперь позвольте подробнее рассказать о снах, беспокоивших меня в моих странствиях.

Призрак Клодии преследовал меня постоянно. Каждый раз, закрывая глаза на рассвете, я видел ее лицо, слышал ее тихий, но настойчивый шепот. Иногда я ускользал в воспоминания: маленькая колониальная больница, ряды кроваток, на одной из которых умирает девочка-сирота.

А вот и печальный, чувствующий себя совершенно беспомощным старый доктор с брюшком, поднимающий тело ребенка. И откуда-то доносится плач. Кто же плачет? Клодия не плакала. Она спала, когда доктор передал ее мне, приняв за смертного отца этого несчастного ребенка. Во сне она такая хорошенькая. Была ли она действительно такой хорошенькой тогда? Конечно.

«Вы вырвали меня из смертных рук, как два чудовища из страшной сказки, — вы, бесполезные и ничего не понимающие родители!»

Дэвид Тальбот приснился мне только однажды.

Во сне он молод и пробирается через лес мангровых деревьев. Это не мой семидесятичетырехлетний друг, терпеливый смертный ученый, который регулярно отвергает мое предложение принять Темный Дар, но в знак доверия и при-

вязанности, не дрогнув, касается моей холодной плоти теплой хрупкой рукой.

Нет. Это молодой Дэвид Тальбот, каким он был многие годы назад, когда сердце не билось в его груди столь быстро. Но он в опасности.

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах¹.

Чей голос шепчет эти слова — мой или его?

И вот он возникает из пятнистого полумрака — рыжие и черные полосы, словно свет и тень, он почти неразличим. Я вижу его огромную голову и удивительно мягкую морду, белую, с длинными тонкими усами. Но эти желтые глаза... узенькие щелочки, исполненные страшной, бессмысленной жестокости. Дэвид, а его клыки! Неужели ты их не видишь?

Но он с детским любопытством наблюдает, как большой розовый язык касается его горла, тонкой золотой цепи, охватывающей шею. Он что, пожирает цепь? Господи, Дэвид! Клыки!

Почему слова застревают у меня в груди? Неужели и я оказался в мангровом лесу? Я пытаюсь пошевелиться, и все тело мое сотрясается от бесплодных усилий, сомкнутые губы пропускают лишь глухие стоны, и каждый из них дается мне с величайшим трудом. Дэвид, осторожно!

А потом я вижу, как он опускается на одно колено и вскидывает к плечу длинное сверкающее ружье. Гигантская кошка близко, она устремляется к нему, но выстрел заставляет ее остановиться, а после второго она падает как подкошенная... желтые глаза горят яростью, лапы скребут мягкую землю, и зверь выпускает последний вздох.

Я просыпаюсь.

Что означает этот сон? Мой смертный друг в опасности? Или кончился завод — его генетические часы готовы вот-вот остановиться? В семьдесят четыре года смерть может наступить в любой момент.

¹ Из стихотворения В. Блейка «Тигр» (перевод К. Бальмонта).

Стоит мне вспомнить Дэвида, и тут же возникает мысль о смерти.

Дэвид, где ты?

«Один, два, три, четыре, пять, англичанина чую опять».

«Вы хотите получить Темный Дар? — спросил я при нашей первой встрече. — Я не говорю, что когда-нибудь вы от меня его получите. Скорее всего, нет. Но вы хотите? Если бы я согласился, вы бы его приняли».

Мне так хотелось, чтобы он попросил. Он не сделал этого и никогда не сделает. И теперь я его любил. Я встретился с ним вскоре после того, как мне приснился сон, — мне это было необходимо. Но сон я забыть не мог, и, возможно, он еще не раз приходил ко мне в часы глубочайшего дневного забытья, когда под покровом тьмы я был холоден, беспомощен и недвижим, как камень.

Ну что ж, теперь вам известно о моих снах.

А теперь вновь представьте себе Францию зимой, снежные сугробы вокруг крепостных стен, освещенного горящим в очаге огнем смертного молодого человека, который вместе со своими охотничьими собаками спит на соломе. Эта картина гораздо точнее символизирует мою смертную жизнь, чем любое воспоминание о парижском театре, где незадолго до революции я был счастливым юным актером.

Вот теперь можно начинать. Если вы не против, давайте перевернем страницу.

Часть I

ИСТОРИЯ
ПОХИТИТЕЛЯ
ТЕЛ